

Acta Beregsasiensis

A II. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola
tudományos évkönyve

Науковий вісник
Закарпатського угорського інституту ім. Ф. Ракоці II

A Scholarly Annual
of Ferenc Rákóczi II. Transcarpathian Hungarian Institute

2010
IX. évfolyam, 1. kötet
Том IX, № 1
Volume IX, № 1

Acta Beregsasiensis

A II. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola
tudományos évkönyve

Науковий вісник
Закарпатського угорського інституту ім. Ф. Ракоці ІІ

2010/1
IX. évfolyam, 1. kötet / Том ІХ, № 1

SZERKESZTÉS: Kohut Attila, Penckófer János

РЕДАКЦІЯ: Когут А., Пенцкофер І.

KORREKTÚRA: G. Varcaba Ildikó

Коректура: Г. Варцаба І.

TÖRDELES: Garanyi Béla

Верстка: Гороній А.

BORÍTÓ: *K&P*

ОБКЛАДИНКА: *K&P*

A KIADÁSÉRT FELEL: dr. Orosz Ildikó, dr. Soós Kálmán

ВІДПОВІДАЛЬНІ ЗА ВИПУСК: Орос І., Шовш К.

A KÖTET TANULMÁNYAIBAN ELŐFORDULÓ ÁLLÍTÁSOKÉRT MINDEN ESETBEN A SZERZŐ FELEL.

A kiadvány megjelenését a



támogatta

ISBN: 978-966-7966-89-8

Készült: PoliPrint Kft. Ungvár, Turgenyev u. 2. Felelős vezető: Kovács Dezső



A II. Rákóczi Ferenc
Kárpátjai Magyar Főiskola
tudományos évkönyve

Tartalom

Nyelv- és irodalomtudomány

PETHÓ JÓZSEF: Nyelvi stílus és identitás	7
KOVÁCS SZILVIA: Szókincs és kommunikatív kompetencia	15
ABONYI ANDREA TÍMEA: Lexikai germanizmusok ruszin népnyelvű kiadványokban	21
GAZDAG VILMOS: Szláv nyelvi hatás Beregvidék magyar nyelvjárásaiban	37
ILONA HUSZTI: Analysis of Hungarian and Ukrainian children's English reading errors	49
BÁRÁNY BÉLA: Женщина и война: женский вопрос в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» и Дж. Джонса «Отныне и вовек»	63

Pedagógia

SZAMBOROVSKZYKNÉ NAGY IBOLYA: Az iskolaügy alakulása a Szovjetunióban a második világháború utáni években (1944–1953)	81
HEVESI TIBOR: A „Statisztika alapjai” témakör feldolgozása számítógép segítségével a középszintű oktatásban	103
BEREGSZÁSI ANIKÓ–SÉRA MAGDOLNA: Magyar vagy ukrán iskola? (Az iskolai tannyelv- választásról egy vizsgálat eredményeinek tükrében)	119
GOGOLA ISTVÁN: A tanári hivatás nehézségei egy kutatás tükrében	127
LECHNER ILONA: Kétnyelvű környezetben történő gyermekkori írott nyelv-elsajátítás elméleti háttere	133
KOMONYI TÍMEA: Egy Rett-szindrómás eset bemutatása	149

Történelem

MOLNÁR FERENC: A ruszin nép szerepe az 1848–49. évi máramarosi események idején ..	155
DOBOS SÁNDOR: Bereg vármegye főispánjának fondja Beregszász XVIII. századi utcanevéről	165
BRAUN LÁSZLÓ: Bercsényi Miklós (1665–1725)	171
HOMOKI DIANNA: Adalékok a Rákóczi-szabadságharc kultuszának forrásaihoz	177

BOROS LÁSZLÓ: Ung vármegyei közművelődési egyesületek és a múzeumügy a XIX. század végén és a XX. század elején	187
SZÓLÓSI NÓRA: A revízió közvetlen hatása Kárpátaljára a korabeli sajtó tükrében (1938–1939)	201
SZENDREY ANITA: Adalékok a beregszászi római katolikus egyház történetéhez (1938–1944)	205

Földrajz, turizmus, kertészettudomány

M. С. Дністрянський: Типологія держав світу за структурно-територіальними параметрами як метод політико-географічного аналізу	221
IZSAK TIBOR: The effect of human work on the environment in the delta of river Borzsa, the right-side branch of the Tisza	233
KAMPÓ ILDIKÓ: Стан та перспективи розвитку сільського туризму на Закарпатті	241
DR. KOMONYI ÉVA: Kárpátalja tájalmafajtáinak pomológiai leírása	245
GÉCSE MÁTYÁS: Termésmennyiség javítása oltott palántával a dinnyetermesztésben.....	255
<i>Eseménynaptár</i>	262

Женщина и война: женский вопрос в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» и Дж. Джонса «Отныне и вовек»

Rezümé E tanulmányban – Vaszilij Grosszman (1905 – 1964) *Élet és sors*, illetve James Jones (1921 – 1977) *Most és mindörökké* című műve alapján – a női szerepek összehasonlító vizsgálatára kerül sor. Mindkét író a női szeretet ábrázolásának nagy mestere, így aztán mindkét műben ez teljes nagyságában, sokoldalúságában és rendeltetésében mutatja magát. A női szeretet mindkét műben rendhagyó körülmények között bontakozik ki, mégpedig a második világháború kirobbanása előtti időkben, majd annak eseményei közepette. Akár az *Élet és sors*, akár a *Most és mindörökké* világában a nők szenvedélyesen szeretnek, alázatosan tűnnek, és mélyen sajnálnak. A nők szeretetükkel erőteljes rombolást is véghezvisznek, de ugyanakkor mindig alkotnak is általa. Ez a szeretet szinte mindig lángoló, rejtélyes és árulásba hajló. Ezek a nők nem csak édesanyák, nem csak saját gyermekükkel szemben anyák, hanem az egész emberiséggel szemben is azok. Együtt érzők mindenkivel: legyen szó a saját férjükről, vagy épp az ellenségről, aki a szenvedést s a fájdalmat okozza. Mindkét szerző felhívja az olvasó figyelmét arra, hogy a női szeretet napjainkban inkább elválaszt, semmint egyesít. Hanyaglóban van a női szeretet: mintha egyedülálló bölcsessége nem tisztítaná már az életet. Mindennek oka pedig a nők iránt tanúsított kegyetlen bánásmód elterjedésével magyarázható. Vaszilij Grosszman és James Jones többször megemlítik azt az elfeledett igazságot, miszerint a legszentebb és legszebb dolog mind a nők-höz fűződik az ember életében.

Резюме Робота присвячена порівняльному аналізу ролі жіночих образів у романах російського письменника Василя Гроссмана (1905-1964) «Життя і доля» (1961) та американського письменника Джеймса Джонса (1921-1977) «Звідси й у вічність» (1953). В. Гроссман та Дж. Джонс є великими майстрами у зображенні жіночої любові. Вона представлена у досліджуваних творах у всій своїй величині, багатогранності та багатофункціональності, в надзвичайних умовах, а саме напередодні та протягом Другої світової війни. У романах «Життя і доля» та «Звідси й у вічність» жінки кохають, терплять, жакають, руйнують та творять своєю любов'ю, яка постає перед читачем щасливою та зрадливою, таємною та палаючою. Жінки в романах стають матерями не тільки своїх дітей, але й всього людства, співчують не тільки своїм синам, чоловікам, а й ворогам, які спричинили біль та страждання. Однак, автори романів застерігають читача, що жіноча любов, яка покликана об'єднувати людей, в наш час починає їх роз'єднувати, а дійова роль жінки, здатної своєю мудрістю очищувати життя від зла, занепадає. Причиною цього є прояв у різних формах та серед різних обставин жорстокості у ставленні до жінки. В. Гроссман та Дж. Джонс неодноразово нагадують читачам забуте сьогодні твердження про те, що все найцінніше і найсвятіше на землі пов'язано з жінкою.

Роман русского писателя В. Гроссмана (1905-1964) «Жизнь и судьба» (1961) и ведущего писателя США Дж. Джонса (1921-1977) «Отныне и вовек» (1953) – это два очень суровых мужских произведения, можно сказать, они даже перенаселены действующими лицами сильного пола, со своими мощными характеристиками, темпераментом, убеждениями, достоинствами и недостатками которых изучают и обсуждают, они по-своему важны для повествования о войне и истории XX века. Однако следует отметить, что в тесной толпе героев романов «Жизнь и судьба» и «Отныне и вовек» очень ограниченное внимание уделяется глубокому исследованию роли и позиции представительниц слабого пола, женщин, обладающих таинственной силой, способной творить среди любых обстоятельств времени нежность и тепло, уют и покой, влиять своей любовью на чувства и мысли мужчин не только в рамках исследуемых произведений В. Гроссмана и Дж. Джонса, но также, как говорит старый холостяк Джон

* II. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola, Filológiai Tanszék, főiskolai tanár.

Тэрнер в романе «Отныне и вовек», – всего мира, потому что «миром правят женщины, [...]. И в этой игре рискуют только [...], мужчины, [...] а женщинам господь бог сдал сразу все козыри. [...] Так что уж лучше нам смириться с этим раз и навсегда» (Джонс 1987: 235). Несмотря на то, что мужчины «большие, сильные, умные, а нет рядом хрупкого женского тела – и они беспомощны, как дети» (Джонс 1987: 135).

В романах В. Гроссмана и Дж. Джонса ни на одной из страниц читатель «не теряет интереса к [...] простому земному существованию, к [...] упованиям и страхам, делам и сомнениям» (Оскоцкий 1991: 93) женщин, а в «Отныне и вовек» отдельной главе даже дано название – «Женщины», поэтому, если в обретенности этими произведениями мировой известности и признания в литературе прежде всего послужила их социальная сторона, именно глубокая, острая постановка коренных проблем в жизни человека XX века, смело можно заявить и о том, что такой заслуге и славе не в меньшей степени способствовала и лирическая сторона произведений В. Гроссмана и Дж. Джонса, образным выразителем и представителем которой есть прежде всего женщины. Характер лирических переживаний в душевном состоянии писателей имеет общее свойство в романах «Жизнь и судьба» и «Отныне и вовек», он, благодаря женщине, сильный и всеодолевающий среди насилия, борьбы и становится в текстах произведений одним из центральных предметов изображения в символическом и прямом воплощении.

Об особенной черте душевных и духовных поисков В. Гроссмана свидетельствует первое эссе писателя – «Сикстинская Мадонна» (1955). Важность этой работы и обращения к ней в данной статье состоит в том, что в ней заложены те корни женской концепции В. Гроссмана, которые постепенно развиваются в его творчестве 60-х годов и полностью воплощаются в женские образы романа «Жизнь и судьба». В «Сикстинской Мадонне» нет действия и характеров, в ней изложены только чувства, которые В. Гроссман обрел в «бессмертной» картине Рафаэля, переживания, которые превратились в символ и прочно вплелись в женский аспект романа «Жизнь и судьба». Для В. Гроссмана

«Мадонна с младенцем на руках – человеческое в человеке – в этом ее бессмертие. При первом взгляде на картину сразу, и прежде всего, становится очевидно: она бессмертна. В. Гроссман понял, что до того, как увидел Сикстинскую Мадонну, легкомысленно пользовался ужасным по мощи словом – бессмертие – смешивал могучую жизнь некоторых особо великих произведений человека с бессмертием. И полный преклонения перед Рембрандтом, Бетховеном, Толстым, он понял, что из всего созданного кистью, резцом, пером и поразившего его сердце и ум – одна лишь эта картина Рафаэля не умрет до тех пор, пока живы люди» (Гроссман: 1955).

Соответственно документальным данным, только благодаря случаю В. Гроссману в мае 1955 года удалось увидеть картину Рафаэля в оригинале. «Сикстинская Мадонна» была выставлена в Москве в музее имени Пушкина среди других сокровищ Дрезденской галереи перед их возвращением на родину (подробнее см. Бочаров 1989: 7). Но нельзя назвать случайным огонь, который вспыхнул в душе писателя при живой встрече с картиной именно в тот момент, когда В. Гроссман уже приступил к написанию романа «Жизнь и

судьба», вплотную погрузился в проблематику насилия и свободы, покорности и борьбы, судьбы и жизни. В. Гроссман именно в «Сикстинской Мадонне» закрепил те трудные и светлые мысли, теории о женщине, практическое применение которых он показывает на страницах «Жизни и судьбы», в сценах, где сила женской мудрости и любви творит чудеса во имя свободы и жизни, торжествует над злом и насилием. Звучание темы материнской любви, противостоящей ненависти и убийству, только усиливается размышлением В. Гроссмана о том, что «Мадонна всечеловечна» (Гроссман: 1955), что в материнстве сокрыто продолжение жизни, неумиряющая человечность и, «глядя вслед Сикстинской Мадонне, мы сохраняем веру, [...], что нет ничего выше человеческого в человеке. Ему жить, победить» (Гроссман: 1955). С точки зрения В. Гроссмана, Мадонна современна, она есть самым атеистическим выражением жизни, «человеческого без участия божества» (Гроссман: 1955). Мадонне

«все знакомо, она пришла к нам весной 1945 года [...] не гостьей, не путешественницей иностранкой, а с солдатами и шоферами по разбитым дорогам войны, она часть нашей жизни, наша современница. Она в наше время родила [...] своего ребенка. Страшно носить под сердцем сына и слышать рев народа, приветствующего Адольфа Гитлера. Мать кормит ребенка грудью, а тысячи тысяч складывают стены, тянут колючую проволоку, возводят бараки [...]. А в тихих кабинетах проектируются газовые камеры, автомобиледушегубки, кремационные печи [...]. Пришло волчье время, время фашизма [...]. И живописец Адольф Гитлер стоял перед ней в здании Дрезденской галереи – он решал ее судьбу. Но владыка Европы не мог встретить ее глаз, он не мог встретить взор ее сына – ведь они были людьми. Их человеческая сила восторжествовала над его насилием» (Гроссман: 1955)

По сравнению с В. Гроссманом у Дж. Джонса не существовала такая детальная и строгая разработка взглядов на женщину, также занимающую важное место в мире чувств и ощущений мужских образов романа Дж. Джонса. Однако автор романа «Отныне и вовек» владел прежде всего сложным комплексом эмоций, вынесенных им из службы в рядах армии США. Разумеется, речь идет об эмоциях, вызванных вследствие взаимоотношений между женщиной и мужчиной, а также возникших в ходе сознательной оценки и переоценки мужскими образами женского назначения и поведения под влиянием событийных обстоятельств повествования. Из обобщений о чувствах и ощущениях, обусловленных женской психологией, вырастает своеобразная эмоциональная философия Дж. Джонса, основанная на противостоянии силы жалости и нежности женщины с жестокостью и насилием действительности, выходящей далеко за пределы армейской жизни (каждый солдат и офицер в прошлом или настоящем был связан с внешним миром), изображенной в романе «Отныне и вовек».

В данной работе сделана попытка охарактеризовать и возвеличить именно женские персонажи, чьи жизни составляют «жаркую плоть, [...] страсть, глубину [...] этических и философских идей» (Оскоцкий 1991: 93) романов «Жизнь и судьба» и «Отныне и вовек», а также обратить внимание читателя на процесс и последствия совмещения авторами произведений логично несовместимого – мощи жестокой, разрушающей реальности минувшего века

(не исключительного явления и в веке нынешнем) с могучей силой тонкости, хрупкости и слабости женщины, чья рука, соответственно словам Пруита в романе Дж. Джонса, «слишком нежная для заключенной в ней мощи» (Джонс 1987: 253). Уже в начале романа «Жизнь и судьба» из уст Гетманова звучит авторский вопрос о том,

«как связать железную суровость, непоколебимость с нежностью, с любовью, не знающей ни закона, ни линии» (Гроссман 1990: 58).

Соответственно размышлениям В. Гроссмана, связывающим звеном между жестокой реальностью и нежностью может стать только женщина, её красота и энергия, на возможности которой автор «Жизни и судьбы» обращает внимание читателя и в «Сикстинской Мадонне». Соответственно В. Гроссману, в

«зрительном изображении материнской души кое-что недоступно сознанию человека. Мы знаем о термоядерных реакциях, при которых материя обращается в могучее количество энергии, но мы сегодня не можем еще представить себе много, обратного процесса – материализации энергии, а здесь духовная сила, материнство, кристаллизуется, обращено в кроткую Мадонну. Красота Мадонны прочно связана с земной жизнью. Она демократична, человечна; она присуща массам людей – [...] она всечеловечна. Она душа и зеркало человеческое, и все, кто глядят на Мадонну, видят в ней человеческое, – она образ материнской души, и потому красота ее навечно сплетена, слита с той красотой, что таится, неистребимо и глубоко, всюду, где рождается и существует жизнь, – в подвалах, на чердаках, в дворцах, в ямах» (Гроссман: 1955).

Переключка с концепциальными взглядами В. Гроссмана о женщине явно ощутима и в романе «Отныне и вовек». Мужчинам, как говорит Морин, одна из персонажей романа Дж. Джонса, «нынче требуются не шлюхи, а матери. Чтоб было за кого прятаться» (Джонс 1987: 364). Созвучность с мыслью героини Дж. Джонса о силе женщины, способной спасать и оберегать, отражается и в размышлениях разведчика Крапа в «Жизни и судьбе». Он ассоциирует верную близость женщины к мужчине с одним из самых надежных друзей человека, с собакой. «Женщина, как собака, идет следом за мужчиной» (Гроссман 1990: 200), подобно «дивной тени Мадонны», потому что, как говорит В. Гроссман,

«Мадонна выразила не только человеческое, но и то, что существует в самых широких кругах земной жизни, в мире животных, всюду, где в карих глазах кормящей лошади, коровы, собаки можно угадать, увидеть дивную тень Мадонны» (Гроссман: 1955).

В романе «Жизнь и судьба» и «Отныне и вовек» женщина выступает выразителем незапятнанной женственности, она, можно сказать, выполняет функцию единственного звена, которое способно своей еще не нарушенной природной слабостью и нежностью предотвратить разрыв в обвешенном событийный мир романов цепи вечного зла (зло вечное не только в пространстве романов, а и за её пределами, потому что в истории человеческого рода очень ограниченное количество десятилетий можно назвать мирными, все остальное время всегда где-нибудь велись войны), не допустить его распространения. В исследуемых романах авторы продемонстрировали, как кристальная

чистота женской психики (такой психикой в романах обладает только женщина) может вносить гуманные и возвышенные духом чувства даже в крайне жестокие и грубые конфликты, ситуации, сеять жизнь вместо смерти и потерь. В романе «Жизнь и судьба»

«Право посылать на смерть во время войны отвергают матери. Но и на войне встречаются люди, участники материнского подполья. [...] Такие люди рапортуют в телефон начальнику: “Слушаюсь, есть выдвинуть пулемет”, – и, положив трубку, говорят: “Куда там его без толку выдвигать, убьют же хорошего парня”» (Гроссман 1990: 341).

Однако в этих романах слово «женщина» не всегда стоит в синонимическом ряду со словом «жизнь». Авторы романов предостерегают читателя, что женщина как миротворящее звено скоро станет недостающим в цепи грубости, оно выпадет, поскольку изношено психологически и физически. Женщина как носитель истинного тепла и любви потеряет свои качества, и мир превратится в арену вечной войны. Сегодня, как замечает В. Гроссман, «на смену оружию атомного распада идет термоядерное оружие, и скоро мы проводим Сикстинскую Мадонну» (Гроссман: 1955). Эта тенденция ощутима и на страницах романов, продемонстрировавших результаты насильственного вторжения в женскую природу деформирующих её обстоятельств времени (имеются в виду вредоносные, недобрые силы, направленные государством против личности), в которых живут героини В. Гроссмана и Дж. Джонса. Это время, словами автора «Жизни и судьбы», «было ужасно, оно поднялось на женщин и детей» (Гроссман 1990: 139). В романе «Отныне и вовек» условия времени выражены в форме фашистских законов армейской, уставной среды, синонимом которой многие из героев Дж. Джонса желали бы назвать словосочетание «американское общество», в котором живут не только мужчины, а также и женщины, дети. В этой среде даже в мирное время идет непрерывная война, в которой каждый за себя и нет спасения никому, она чаще всего между солдатами и офицерами (они могли бы стать представителями разных слоев американского общества и его нравов), между самими солдатами и самими офицерами. В романе В. Гроссмана «мировая война всех против всех» (Гроссман 1990: 464) также не закончилась последними залпами пушек, «война ушла [...], но покой не вернулся с тишиной» (Гроссман 1990: 454). Речь идет о том, что весь событийный мир романа «Жизнь и судьба» и «Отныне и вовек» предостерегает читателя, что в постоянных условиях агрессии и милитаризации общества женщина, дающая жизнь, вынуждена будет распространять жестокость, нести смерть, она превратится в ассимилированное звено цепи вечного зла и будет жить не соответственно своему сердцу, как Сикстинская Мадонна, которая в размышлениях В. Гроссмана, без страха на лице, не спела свои руки вокруг тела своего сына с такой силой, «чтобы смерть не смогла их разжать, и протягивает ребенка навстречу судьбе, не прячет свое дитя. И мальчик не прячет лица на груди у матери. Вот-вот он сойдет с ее рук и пойдет навстречу судьбе своими босыми ножками» (Гроссман: 1955), как это сделал маленький Давид в романе «Жизнь и судьба» и молодой Пруит, вынужденный нарушить описанное ниже посмертное завещание своей матери.

В. Гроссман и Дж. Джонс в своих романах изображают женщину не на фоне природы, поэзии, музыки, не в атмосфере нежного и красочного,

в которой следовало бы жить женщине соответственно ее земному назначению во все времена истории. Эта классическая среда, на фоне которой уже с античных времен поэты и писатели излагали свое восхищение телесной и душевной красотой женщины, авторами романа «Жизнь и судьба» и «Отныне и вовек» не используется. Женские образы В. Гроссмана и Дж. Джонса поражают читателя своей силой и уверенностью, бескорыстностью и самоотверженностью, красотой и нежностью, добротой и любовью, не среди мирного «царства деревьев» (Гроссман 1990: 215), песен и стихотворений, а на фоне окружившего их страха, зла и горя, жестокости и насилия. Пейзаж, мелодия, красота слова, в окружение которых попадают женские образы романа В. Гроссмана и Дж. Джонса, не возвышают женственность, не облегчают судьбу женщины, не спасают ее душу, а скорее и чаще всего полностью обманывают, подводят в трудное время, и не только женские, но и мужские образы романа В. Гроссмана и Дж. Джонса. В произведении «Жизнь и судьба» Софья Осиповна Левинтон, услышав музыку оркестра на лагерном плацу, теряет своё доверие к знакомой мелодии. Она впервые слышала эту музыку

«ребенком, слушала студенткой, молодым врачом; эта музыка всегда волновала ее живым предчувствием будущего. Однако музыка обманула ее. У Софьи Осиповны не было будущего, была лишь прожитая жизнь» (Гроссман 1990: 288).

Один из героев романа «Жизнь и судьба», Иконников, выводит целую теорию о постепенном упадке восприятия им могучей силы пейзажа, которая стала бессильной в спасении, в ней угасло пламя тепла и добра. Иконников когда-то,

«живя в северных лесах, вообразил, что добро не в человеке, не в хищном мире животных и насекомых, а в молчаливом царстве деревьев» (Гроссман 1990: 215).

Однако события времени, в котором живут и героини В. Гроссмана и Дж. Джонса, полностью разрушают суждение Иконникова и приводят его к прозрению. Он

«увидел движение леса, его коварную битву за землю с травами и кустарниками. Миллиарды летучих семян, прорастая, убивают траву, вырезают дружелюбный кустарник, миллионы ростков победившего самосева вступают в битву друг с другом. [...] Так живет лес в вечной борьбе всех против всех» (Гроссман 1990: 215).

Автор романа «Жизнь и судьба», выражаясь словами Иконникова, доводит читателю, что

«лишь слепые мыслят мир добра в царстве деревьев и трав. [...] Добро не в природе, не в проповеди вероучителей и пророков, не в учениях великих социологов и народных вождей, не в этике философов. [...] Обыкновенные люди несут в своих сердцах любовь к живому, естественно и непроизвольно любят и жалеют. [...] Это доброта старухи, вынесшей кусок хлеба пленному, [...] это доброта тех стражников, которые передают с опасностью для собственной свободы письма пленных и заключенных не товарищам по убеждению, а матерям и женам» (Гроссман 1990: 216).

Цель этого небольшого отступления в сторону мужских образов романа «Жизнь и судьба» – обратить внимание читателя на значение женщины, на ее ценность и незаменимость, на ее доброту, которую В. Гроссман называет

«бессмысленной, частной, случайной, безумной, вредной» (Гроссман 1990: 216). Эта доброта «инстинктивна, она слепа», ею в романе В. Гроссмана и Дж. Джонса владеют только женщины. В одном из эпизодов романа «Жизнь и судьба» женщина подаёт воду раненому немцу. Неадекватное проявление человеческого чувства и отношение женщины к тому, кто ее унизил, обидел, изъял у нее самых дорогих и близких, автор романа «Жизнь и судьба» называет «дурьей добротой» (Гроссман 1990: 216). Эта «дурья доброта» «и есть человеческое в человеке, она отличает человека, она высшее, чего достиг дух человека» (Гроссман 1990: 216) и чего в скором будущем может лишиться человечество навсегда. Возможно, поэтому не случайны предчувствия и размышления Тербера в романе «Отныне и вовек» о том, что «на этом свете кто и нужен, так это [...] женщины» (Джонс 1987: 140).

В романе «Жизнь и судьба» разные формы проявления этой доброты воплощены посредством деяний и чувств матерей и жен, а в романе «Отныне и вовек» преимущественно через персонажи любовниц, а также профессиональных проституток. В произведении «Жизнь и судьба» фактически отсутствуют страстная любовь между мужчиной и женщиной. В. Гроссман «предпочитает не эрос [...], а жертвенную и снисходящую любовь» (Оскоцкий 1991: 389), в отличие от романа «Отныне и вовек», в котором женская любовь наполнена прежде всего эротическим значением, смыслом и раскрывается скорее в эротических картинах, словно подтверждая мысль о том, что «через соитие и любовь человеческое раскрывает себя полнее, чем в любых иных обстоятельствах» (Маркиш: 2004).

В размышлениях о женской любви в романах «Жизнь и судьба» и «Отныне и вовек» центральное место принадлежит проявлению материнской любви, она своеобразно воплощена по формам её выражения. Материнская любовь в романах божественна и трагична, слабая и сильная, слепая и возвышенная. В. Гроссман посвятил «Жизнь и судьбу» своей матери, Екатерине Савельевне Гроссман. Смерть Екатерины Савельевны Гроссман превратилась для писателя в незаживающую до конца его жизни рану и оставила глубокий след в художественном пространстве «Жизни и судьбы». Восприятие могущественной и светлой материнской любви, тесно связывающей писателя с матерью, прямо излито В. Гроссманом на бумаге, в его письмах, написанных уже к умершей матери через 10 и 20 лет после ее смерти:

«Дорогая мама, вот прошло 20 лет со дня твоей смерти. Я люблю тебя, я помню тебя каждый день своей жизни, и горе мое все эти 20 лет вместе со мной неотступно.

Я писал тебе и 10 лет тому назад, и в моем сердце ты такая же, как была 20 лет назад. [...] ты была такой же, как при жизни своей, – моей матерью во плоти и сердце моем. Я – это ты, моя родная. И пока живу я – жива ты. А когда я умру, ты будешь жить в той книге, которую я посвятил тебе и судьба которой схожа с твоей судьбой.

[...]. Я плачу над письмами – потому что в них ты – моя доброта, чистота, твоя горькая, горькая жизнь, твоя доброта, благородство, твоя любовь ко мне, твоя забота о людях, твой чудный ум» (Губер 1990: 105-106).

Образ матери писателя, Екатерины Савельевны, в романе «Жизнь и судьба» воплощен в облике и судьбе Анны Семеновны Штрум, врача, матери

физика Штрума. Анна Семеновна Штрум представляет нежный образ самозабвенной материнской любви – в символическом и буквальном воплощении, она становится олицетворением материнской любви ко всему еврейскому народу. При этом, однако, следует отметить, что евреи у автора «Жизни и судьбы» в определенной степени выполняют только символическую роль, случившееся с ними в истории XX века символизирует уничтожаемое человечество планеты, независимо от национальности и вероисповедания. В повествовательном мире романа «Жизнь и судьба» Анна Семеновна Штрум начинает чувствовать свое еврейское происхождение, то, что она еврейка, только во время войны, уже в гетто, потому что до этого момента она считала себя русской интеллигенткой. В своих размышлениях в прощальном письме, переданном ею из «района Старого города» с проволочным ограждением, куда переселили евреев, Анна Семеновна напишет своему сыночку, Витеньке, что она

«никогда не чувствовала себя еврейкой, с детских лет росла в среде русских подруг, она любила больше всех поэтов Пушкина, Некрасова, и пьеса, на которой плакала вместе со всем зрительным залом, съездом русских земских врачей, была “Дядя Ваня” со Станиславским. А когда-то, Витенька, когда я была четырнадцатилетней девочкой, наша семья собралась эмигрировать в Южную Америку. И я сказала папе: “Не поеду никуда из России, лучше утоплюсь”. И не уехала. [...] И вот в эти ужасные дни мое сердце наполнилось материнской нежностью к еврейскому народу. [...]. Она напоминает мне мою любовь к тебе, дорогой сынок. [...] Есть ли человеческие слова, способные выразить мою любовь к тебе? Целую тебя, твои глаза, твой лоб, волосы. Помни, что всегда в дни счастья и в день горя материнская любовь с тобой, ее никто не в силах убить. Витенька... . Живи, живи, живи вечно. [...] Мама» (Гроссман 1990: 43-47).

Письмо матери Штрума к сыну – «это строчки великой книги человечества о себе» (Аннинский 1988: 255). Здесь следует отметить описание функции письма в романе «Жизнь и судьба» и Р. Ламонтом, который называет письмо Анны Семеновны Штрум ее «последним душевным желанием и завещанием» / “That letter [...], a spiritual last will and testament composed for Victor Strum” (Lamont 1985: 47) для сына и считает, что в этом письме звучит голос, отнятый смертью у родной матери автора романа. В. Гроссман сам озвучивает слова этого голоса, и он становится материнской душой для русско-еврейского народа:

“The author gives his mother the voice of which she was deprived by her tragic death; he becomes, in her stead, the maternal spirit of the Russian-Jewish people” (Lamont 1985: 47) / «Автор вручает матери голос, отнятый у нее трагической смертью; он входит в ее положение, становится материнской душой русско-еврейского народа» (Ламонт 1985: 47) (перевод – Б. А.) .

Акт проявления материнской любви Анной Семеновной Штрум в романе В. Гроссмана заслуживает наивысшего олицетворения – матери человечества.

Подобно Анне Семеновне Штрум любовью к людям, уважением их достоинства, справедливостью и благородством пронизаны и предсмертные слова матери, обращенные к ее сыну, Роберту Э. Ли Пруиту, в романе Дж. Джонса «Отныне и вовек». Мать Пруита в «свой последний час великого страха [...] тревожилась о его будущем, а не о том, что ожидало ее», и просила сына

дать ей единственное обещание, что он «без крайней нужды никогда никого не обидит, никому не причинит боли» (Джонс 1987: 37). Гордый, упрямый Пруит в романе Дж. Джонса, как и Штрум в романе В. Гроссмана, не только в пору своего человеческого счастья, но и причиненного в боях и конфликтах страшного греха старается остаться верным нежным, божественным и бессмертным словам матери о любви к ближнему и смиренному восприятию неизбежной смерти. Вдохновленный силой матери, сын Анны Семеновны Штрум знал, что

«каждый день, каждый час, из года в год, нужно вести борьбу за свое право быть человеком, быть добрым и чистым. И в этой борьбе не должно быть ни гордости, ни тщеславия, одно лишь смирение. [...] Ну что ж посмотрим, – может быть, и хватит у меня силы. Мама, мама, твоей силы» (Гроссман 1990: 448).

Подобно Штруму и Пруиту в романе «Отныне и вовек» всегда надеялся, что у него хватит сил, и он

«примет смерть с таким же гордым безразличием, с каким приняла ее та, что была ему матерью. Он чувствовал, что в этом безразличии как раз и скрывается бессмертие» (Джонс 1987: 37).

Однако ни Штруму, ни Пруиту не предназначено судьбой остаться верными обещаниям матери.

В чувственном мире матерей Штрума и Пруита перед лицом смерти – единственное, что нельзя отнести к категории «безразличное», единственное, что имеет смысл – это их переживания за будущее своего ребенка, сына, нации и народа, как показывают В. Гроссман и Дж. Джонс. Переживания матери Пруита о будущей жизни своего сына, «а не о том, что ожидало ее», перекликаются и с материнскими чувствами военного врача Софьи Осиповны Левинтон в романе «Жизнь и судьба». Проявление ею материнской любви, преисполненной болью за всех живых, изображено автором в крайне тяжелых и жестоких обстоятельствах, среди стен смертоносной газовой камеры, порог которой героиня переступает с маленьким мальчиком, Давидом, с которым она познакомилась еще в эшелоне смерти. У старой девы Левинтон пробуждается материнское чувство к чужому ребенку. Она, погибая в камере смерти, прижимает к себе и обнимает маленького Давида, и до тех пор, пока «в ее сердце ещё была жизнь: оно сжималось, болело, жалело нас, живых и мертвых людей [...]» (Гроссман 1990: 295). В романе «Жизнь и судьба» только величественный инстинкт материнства и женская интуиция могут стать объяснением тому,

«что когда к месту казни устанавливались огромные очереди [...] были случаи, когда ожидать казни приходилось с утра до поздней ночи, в течение долгого жаркого дня, и матери, знавшие об этом, предусмотрительно захватывали бутылочки с водой и хлеб для детей» (Гроссман 1990: 109).

В описании проявленных героинями «с мужественной душой» (Гроссман 1990: 63) материнских чувств, любви как раз и таятся те силы, которые вопреки всем трудностям жизни, вопреки грозной атмосфере эпохи, в которой создавались эти романы, способны были привести к сохранению человеческого в человеке, предотвратить его полное уничтожение.

В романе «Отныне и вовек» одним из главных образов, посредством которого воплощена эссенция женского смысла, его неповторимая мудрость,

что способна противостоять разрушительным силам окружающего ее мира, есть героиня под именем Лорен (ее настоящее имя Альма Шмидт). Она проститутка, работает в публичном доме, однако как женщина в прямом смысле слова «Лорен действительно похожа на [...] спокойную, гордую принцессу» (Джонс 1987: 239). В художественном пространстве романа Дж. Джонса трудно отыскать женщину, занимавшуюся другим ремеслом, эта профессия есть неотъемлемой в мире мужчин без женщин, её функцией есть, как правило, продавать любовь, однако очень часто не без высоких и чистых чувств, даже постигающих уровень материнских, как и в случае Лорен и ее отношения к рядовому Пруиту. Для автора романа «Отныне и вовек» важна не профессия женщины, а её, достоинства, практицизм, а если речь идет о женщинах, занимающихся проституцией, то Дж. Джонс на их стороне, потому что, как «говорят старые служаки [...], самые хорошие жены получают из проституток» (Джонс 1987: 356). Несмотря на то, что солдатам Дж. Джонса доступна только продажная любовь, у некоторых сохранилось представление об истинной любви женщины, о ее заботе и нежности. Носителем этих качеств в романе «Отныне и вовек» выступает прежде всего Лорен. Взаимоотношения Пруита с Лорен образуют, по замыслу Дж. Джонса, тот образец, который дает представление о составляющих американское общество женщинах, вне зависимости от их социального положения, занимаемой должности, вероисповедования. Планы Лорен на будущее очень трезвые и справедливые. Работая в публичном доме, она заработает необходимую сумму денег и, сменив свое имя, вернется в свой тихий орегонский городок, где никто не узнает о ее недавнем занятии, и, как она размышляет, «то, что было раньше, постепенно отодвинется в прошлое и умрет. Останется только воспоминание, как о сне, в котором, бывает, приснится что-нибудь, а потом боишься, вдруг так и будет, но ничего никогда не происходит. Порядочным людям бояться нечего» (Джонс 1987: 263). Порядочность Лорен не подлежит оспариванию. Её образ создан на основе контраста силы, направленной государством против подавления личности, с могучей силой любящей, полной сострадания женщины. В её поведении нетрудно заметить ту дивную сторону женской концепции В. Гроссмана, которую он неоднократно вводит в художественное пространство «Жизни и судьбы» и которая очень созвучна с женским аспектом Дж. Джонса. Эта концепция основана на символическом изображении отношения матери и сына в романах, то есть способности женщины любить ребенка, с которым не связана биологически. При этом следует заметить, что женщина, любящая ребенка, не его рожденного, демонстрирует очень смелый выбор, сделанный её собственной волей против воли государств. Тема эта подробно разрабатывается в нескольких сценах романа «Жизнь и судьба» и в одном эпизоде романа «Отныне и вовек», однако в каждом эпизоде детьми матерей, словами В. Гроссмана становятся «пасынки времени» (Гроссман 1990: 118), любить которых некому, более того, запрещено тотальной властью ввиду необоснованных ими справедливых поступков против этой же власти. В произведении Дж. Джонса именно Лорен вместе со своей подругой Жоржеттой спасают от смерти раненого Пруита, самовольно покинувшего свой гарнизон, после того как он отомстил за смерть своего друга, убив штаб-сержанта Джадсона по прозвищу Толстомордый. Его убийство – это уничтожение маленькой частицы той

жестокости, которая не уступала практике нацистских концлагерей. Лорен и Жоржетта, не боясь укрывать человека, который своим поступком восстал против жестоких издеваний в рядах американской армии (общества), делают свой собственный выбор. Эти женщины в романе «Отныне и вовек» становятся заботливой матерью слабого ребенка, воина, восстают против фашистских проявлений власти. Лорен и Жоржетта превращаются в символ той материнской доброты, которая не вечная и, соответственно словам В. Гроссмана, «не заразительная» (Гроссман 1990: 216), а легко ранимая и истребляемая. Когда они проявляют свою заботу о Пруите, то

«твердое, решительное лицо Жоржетты, и мягкое, задумчивое лицо непоколебимой реалистки Альмы – озарялись [...] теплым отблеском, как на [...] картине „Святая Анна и Дева Мария, ухаживающие за Святым Иоанном и Иисусом“. Их улыбка: материнская, ласковая, счастливая и бесконечно заботливая, [...] изливала на Пруита такой океан нежности, что грозила навсегда утопить в мягкой бездне матриархата. [...] Обе такие трезвые и расчетливые, они не стыдились своей нежности и не скрывали ее. Причина была более чем очевидна. Две проститутки наконец-то нашли выход своим материнским инстинктам» (Джонс 1987: 672).

С определенными чертами аналогичности обыгрывается символическое отношение матери и сына и в одном из ключевых эпизодов романа «Жизнь и судьба». Речь идет о том, как русский водитель Семенов, попавший в немецкий плен, спасается от голода и изнеможения в доме украинской женщины, крестьянки Христи Чуняк. Семенов,

«попавший в плен [...], после десяти недель голодного лагеря [...] был направлен вместе с большой партией пленных красноармейцев в сторону западной границы. На одиннадцатый день пути, когда эшелон, стоял на станции Хутор Михайловский, охрана выгнала впавшего в беспамятство Семенова из вагона и передала станционным властям» (Гроссман 1990: 296).

Немецкий комендант не стал расстреливать Семенова, состояние которого было очень близко к смерти, а разрешил ему идти в сторону села, куда он волей судьбы добрался и попал в хату настоящего «человека, старой Христи Чуняк» (Гроссман 1990: 296), потерявшей на войне всю свою семью. Подобно Лорен и Жоржетте, Христя заботилась о Семенове, как мать заботится о маленьком ребенке, вопреки риску сокрытия русского пленного на территории, контролируемой немцами. Христя

«помогла Семенову сесть в корыто, и его изъеденное вшами тело почувствовало прикосновение ее шершавых, сильных ладоней, по плечам и по груди его потекла мыльная теплая вода. Он вдруг захлебнулся, затрясся, его забило, и, визгивая, глотая слюны, он вскрикнул: “Мама ... маманька ... маманька”.

Она вытирала [...] полотенцем его слезящиеся глаза, волосы, плечи. Подхватив Семенова под мышки, она посадила его на скамью и, нагнувшись, вытирала его похожие на палки ноги, надела на него рубаху и подштанники, застегнула белые, обшитые материей пуговицы. [...] Потом она легко, как куренка, приподняла Семенова, помогла ему взобраться на печку. Семенов лежал в полубреду. Его тело ощущало немислимую перемену, – стремление безжалостного мира уничтожить замученную скотину перестало действовать» (Гроссман 190: 297).

Как Лорен и Жоржетта, Христия Чуняк по своей собственной воле становится символической матерью неродному, даже неизвестному ей человеку, демонстрируя свою собственную победу над тотальным насилием и нацистским правопорядком.

В романе «Жизнь и судьба» есть еще одна женщина, имя которой не названо автором, и таким образом она является символической фигурой, которая благодаря своей бескорыстной и немотивированной любви одерживает победу над фашистским миром. После освобождения Сталинграда советскими войсками из подвала дома немецких военнопленных заставляли выносить «группы советских людей. В очередной выход из подвала офицер и его напарник шагали несколько быстрее обычного – груз был легче. На носилаках лежал труп девушки-подростка. [...] Толпа негромко ахнула» (Гроссман 1990: 429). К носилакам бросилась неназванная автором женщина, чтобы приглубить мертвое тело. «Деточка! Деточка! Деточка ты моя золотая! Этот крик по чужому ребенку потряс людей. Женщина стала расправлять еще сохранившие следы завивки волосы на голове трупа» (Гроссман 1990: 429). Потом она шагнула к немцу, ища глазами кирпич на земле. Рядом стоявший часовой не мог вмешаться, потому что он знал, что женщина «была сильнее, чем он и его автомат» (Гроссман 1990: 429). Женщина не ударила немца, а достала из кармана своего ватника кусок подаренного ей накануне солдатами хлеба и отдала его пленному немцу. В этом акте немотивированной доброты скрывается сила женщины, недоступная и непостижимая для мужчин, эта сила могучая и наивная, как и вышеописанное обещание Пруита умирающей матери, которое, соответственно размышлениям Дж. Джонса, «давалось разве что в старину, в простое, [...] давно забытое время» (Джонс 1987: 37).

В ходе соединения и соотношения авторами силы женской слабости с мощью зла следует отметить, что функцию крайне жестоких ситуаций в романах не всегда выполняют только события войны и связанные с ней кровавые сражения, страдания на поле боя, мучения в плену. В романах В. Гроссмана и Дж. Джонса женщины влюбляются, ревнуют, умирают и совершают мужественные поступки как в сценах масштабного исторического значения, так и узкого бытийного, семейного, лирического, психологического характера. События войны для женщин в романах – это своеобразное испытание страхом не только их смелости и храбрости, а также разума, женственности, женской души, повседневные чувства, переживания, ощущения которой героини приносили в обстоятельства экстремальных ситуаций исследуемых произведений. Война и связанные с ней условия жизни героинь романов служат прежде всего своеобразным фоном, на основании которого раскрываются достоинство, доброта, терпение, мудрость женщин, живущих в разной культурной и социальной среде. Однако условия жизни на войне полностью противоречат женской природе, женскому назначению, приводят к разрушению самого ценного и святого, что есть на земле – женского сердца. В романе «Жизнь и судьба» во время всеобщей коллективизации Иконников «видел арестованную крестьянку, оборванную женщину с жилистой шеей, с трудовыми, темными руками, на которую с ужасом смотрели конвоиры: она съела, обезумев от голода, своих двоих детей» (Гроссман 1990: 12).

В романах «Жизнь и судьба» и «Отныне и вовек» тяжелые условия времени, в которых ведется повествование, потребовали внести определенные изменения и дополнения в классические, традиционные представления о женском назначении (напр., снисходительная заботливость и тревога о домашнем очаге, детях, муже), о женственности, о том, что женщина живет только соответственно ощущениям своего сердца. В этих произведениях традиционная вера в то, что красота, в какой бы она форме не проявлялась и существовала, в пейзажной, в телесной, в художественной, спасет мир от гибели – не находит подтверждения. Вникая в размышления В. Гроссмана и Дж. Джонса, не было бы целесообразно не согласиться с тем, что единственный гарант и залог сохранения и продолжения жизни, неумиряющей человечности скрыт прежде всего в женском уме, в женской природе – источнике, питающем столь легко гасимый огонь человеческого в человеке. В этих трагических произведениях чувствительное женское сердце, в котором по природе заложена ненависть к убийству, претерпевает сверхприродные изменения. Женщины в романах живут прежде всего не согласно предчувствиям своих сердец, а своеобразному разуму, особому, божественному уму, соответственно которому они, не веря в надежду, потому что, как говорит Анна Семеновна Штрум в романе «Жизнь и судьба», «надежда [...] никогда не связана с разумом, она бессмысленна» (Гроссман 1990: 44) и жертвуя собой, думают прежде всего не о собственном благополучии, счастье, а о спасении мира, которому угрожает гибель, о спасении нравов, которые утеряны или же деформированы; и ради свершения этих целей они приняли столкновение с нечеловеческим страданием и наибольшим ужасом, который может выпасть на долю женщины. Художественное оформление этой концепции отличается в романах, однако ее идейно-смысловое воплощение отмечается созвучностью и близостью. В романе «Жизнь и судьба» женщина осознанно отдаёт своего ребенка зверской судьбе во имя спасения мира от страха и зла, боли и мучений. Этот шаг уже был предсказан В. Гроссманом в «Сикстинской Мадонне». По логике войны (и ситуаций, равных ей) человек, чтобы вытеснить из своей жизни смерть, которую несет любая война, должен убивать, однако эта необходимость для женщины есть непереносимой. Способность уничтожать нежность, слабость, мягкость – неотъемлемое качество для воина на поле боя, ему необходимо убивать, чтобы он выжил в бою, однако для женщины эта трагическая необходимость есть формой самоубийства. Она недопустима, поскольку ведет к разрушению самих основ женственности, источника тепла, уюта, покоя, а главное – любви, без которой немислима жизнь и счастье, они полностью теряют смысл. Женщина, созданная для рождения жизни, может приспособиться к грубости, к насилию, к войне только сознательно уничтожив в себе свою женственность, как это случается и в романах «Жизнь и судьба» и «Отныне и вовек». Среди жестоких обстоятельств времени, о котором повествуется, женщина обрела эту способность, не поддающуюся объяснению при помощи здравого смысла. С единственной целью – достижения общего блага и спасения мира от всепоглощающего ужаса, смерти, страха, – уничтожила в себе свою женственность, душу, осознанно подчинилась человеческой смерти и обману исторической эпохи, истребила в себе самое святое – материнское чувство и любовь даже к самому драгоценнейшему – собственному ребенку. Все живое

должно содрогнуться от той картины, в которой В. Гроссманом показано восприятие матерью, Ревеккой Бухман, общей человеческой беды и осознание ею неотвратимости смерти в случае, если она не убьет своего ребенка, спасая таким образом людей, находившихся с ней рядом в укрытии на чердаке дома. Как повествует маленький Давид, очевидец случившегося,

«на чердаке, в убежище, за фальшивой кирпичной стеной сидели люди. Черные листы кровельного железа днем раскалялись. Иногда чердачное убежище заполнялось гарным духом. Гетто горело. Днем в убежище все лежали неподвижно. [...] И вдруг лай собаки. Нерусские голоса «Asta! Asta! Wo sind die Juden!», и над головой нарастает громохание, немцы вылезли через слуховое окно на крышу. [...] В убежище наступила тишина, страстная тишина, с напряжившимися мышцами плеч и шеи, с выпученными от напряжения глазами, с оскаленными ртами. Маленькая Светлана под вкрадчивое постукивание по стене затынула свою жалобу без слов. Плач девочки вдруг, внезапно оборвался, Давид оглянулся в ее сторону и встретил бешеные глаза матери Светланы, Ревекки Бухман» (Гроссман 1990: 104-105). «Она [...] сжала горло своему ребенку из страха, что его плач может раскрыть убежище на чердаке. После этого раз или два на короткий миг ему представились эти глаза и откинутая, словно у матерчатой куклы, голова девочки» (Гроссман 1990: 291).

За этим трагическим фактом, когда отдельное материнское чувство, покидая свое индивидуальную принадлежность, определенность, превращается в символ масштабного материнского инстинкта и переживания, скрывается очень важная и непроверяемая истина, однозначные выводы из которой автор «Жизни и судьбы» поручает логике читателя, погрузившегося в художественные глубины романа. Логическая трактовка этой истины заключается в полной несовместимости женской слабости, хрупкости, любви – со злом, жестокостью, насилием, войной в любых формах их проявления, и не всегда обязательно в виде боевых операций. Убийство маленькой Светланы матерью, несчастной и беспомощной в сложившихся обстоятельствах, приводит читателя к однозначной мысли о том, что если смерть солдата, мужчины, сына, отца на поле боя – это подвиг во имя жизни, то смерть Светланы от рук матери – это конец самой жизни, началом которой есть именно женщина, как и всего самого дорогого и святого, что есть на земле. Как в прошлом, так и в настоящем времени не существует здоровых оправданий прямому или замаскированному вовлечению слабого пола в любые акты, направленные на уничтожение человеческой жизни, его участие в подобных действиях снимает все сознательные границы между жизнью и смертью, ставит между ними знак равенства, потому что любое грубое, насильственное, постороннее вторжение в женскую природу, в логику женского мышления ведет к уничтожению земной жизни, к смерти женщины – начала не только человеческой жизни, но и «житейской человеческой доброты» (Гроссман 1990: 215). Совершенное героиней романа «Жизнь и судьба» становится предупреждением об угрозе гибели самой жизни и в современном обществе. Ревеккой Бухман овладела «слепая и жестокая сила жизни» (Гроссман 1990: 291), однако она не смогла полностью истребить её женское сознание, в котором посредством грубости и насилия только все сильнее генерировалось и усиливалось жертвенное чувство любви к людям. Эта «жестокая сила» продолжает свое влияние на человечество и

сегодня, она, обманчиво оправдывая свою абсурдность и противоестественность, предвещает новую войну на всей земле, событие, в котором слабый пол, уже без сознательного женского разума и сердца будет безрассудно убивать и жертвовать собой уже не во имя спасения мира, а ограниченных жестоких и грубых интересов, как это все чаще и чаще случается сегодня, например, вследствие террористических действий женщин-смертниц, поступков, неадекватных женской природе, жертвоприношению ради истинно высоких целей – спасения мира от зла и насилия, как это делали героини В. Гроссмана и Дж. Джонса.

По-своему живет грубая сила жизни и влияет на женские образы и в романе Дж. Джонса «Отныне и вовек». Героини Дж. Джонса проходят испытание прежде всего не обстоятельствами войны, а моральными и этическими нормами в поведении с женщиной в условиях времени, сложившегося в США накануне мировых военных действий. При этом следует отметить, что жизнь героинь Дж. Джонса, как и В. Гроссмана, находится в неразрывной связи с теми представителями сильного пола, которые есть непосредственными участниками военных действий – военачальников, солдат, и многие стороны женского вопроса, как и других достоинств романа «Отныне и вовек», раскрываются именно на фоне армейской и военной среды. Однако не следует искать объяснения источнику акта грубости и неуважения по отношению к женщинам в романе Дж. Джонса только именно в обстоятельствах этой суровой фонообразующей среды. Поступок с Карен Хомс, символом жертв многих американских женщин того времени, в котором происходит повествование, совершается еще в мирное время, грубость которого, однако, очень близка со временем, в котором жила Ревекка Бухман. Соответственно словам Милта Тербера, в любовном признании к Карен Хомс в романе «Отныне и вовек» – это было время, в котором американское общество делало все, «чтобы помешать (*истинной* – слова Б. А.) [...] любви, а то, чему оно помешать не могло, оно уничтожало» (Джонс 1987: 609). В результате разных форм проявления грубости всегда остаются душевные и физические увечья. Те женские образы, которые в «Жизни и судьбе» и в «Отныне и вовек» сталкивались с ними лицом к лицу, не смогли сохранить свои прежние женские достоинства, они чаще всего, даже не сопротивляясь, сознательно и жертвенно поддавались их воздействию, невзирая на последствия и веря в свои благодеяния, ради спасения ближнего. Ничто другое, как жестокость времени – «фашизм [...] пригнул [...] до своего уровня» (Гроссман 1990: 291) и Ревекку Бухман в романе «Жизнь и судьба», своими методами изуродовал ее душу, неотъемлемую частицу женского совершенства. Случившееся с Карен Хомс в романе «Отныне и вовек» не есть результатом массовых фашистских истреблений, однако явно следует их «скотским» и «грязным» методам обращения с людьми. Карен Хомс стала символом жертв зверского обращения с женщиной из-за собственного мужа, капитана Дейне Хомса, типичного «подлеца» времени, (представителя типичных в американском обществе норм «ценностей» в поведении с женщинами, «примерного» отца мальчика, «отпрыска, наследующего плоды благословленного обществом союза»; Джонс 1987: 334), заразившего ее трудно излечимой на то время болезнью (гонореей), вследствие чего она становится калеккой не

только в духовном смысле, но и в физическом. Страшные физические раны, причиненные Карен операцией, именуемой «гистероктомия» (Джонс 1987: 336), не оставили для нее малейшего шанса остаться женщиной. Ее «распорошили как виноградную кисть [...], выдавили из нее косточки и оставили, бесплодную, [...]» (Джонс 1987: 85). Для женщины такие физические раны, возможно, страшнее душевных, потому что женственность немислима без гармонического единения, совершенства телесного и душевного, примером нарушения баланса которого внешней грубостью времени и служит случившееся с Ревеккой Бухман и Карен Хомс, которые больше не считали и не могли считать себя женщинами. Главная общность в их жизни – насильственное изъятие драгоценнейшего у женщины – возможности остаться или же быть матерью. Время и обстоятельства избавили их от перспективного, полноценного женского назначения. В трагической жизни Ревекки Бухман осталось только одно – её постепенное «превращение в золу» (Гроссман 1990: 293), а у Карен Хомс – «медленно жухнуть» (Джонс 1987: 85) на виноградной лозе, потому что больше она не женщина, несмотря на то, что

«снаружи все остается прежним, это ведь не кастрация [...], она по-прежнему выглядит и одевается, как женщина, с волосами и кожей ничего не происходит, они не портятся, и даже грудь не усыхает, потому что есть такие маленькие таблетки, которые поддерживают внешнюю оболочку в прежнем виде, как будто [...] ничего не случилось. Однако [...] она больше не женщина. [...] цель всего этого утеряна. И смысл тоже. Она выпотрошенная оболочка. [...] пустая шелуха, [...] детей [...] иметь не может» (Джонс 1987: 334).

Живет в романе В. Гроссмана и еще один трагический образ женщины – это образ скорбящей у могилы своего сына матери. Автор романа «Жизнь и судьба» утверждает: «Все люди виноваты перед матерью, потерявшей на войне сына» (Гроссман 1990: 76). Не существует оправданий и печали матери, Людмилы Николаевны Штрум, потерявшей своего сына, Толю, на войне. Описание ее чувств к умершему сыну – это «трагедия, выше всех трагедий, и скорбь, бездонней самой глубокой скорби» (Оскоцкий 1991: 266). Для матери осознание потери сына становится недоступным и исключительным, потому что

«она не могла ощутить того, что было [...] очевидно. [...] Ее чувство к сыну было таким сильным, что мощь совершившегося ничего не могла поделать с этим чувством, он продолжал жить» (Гроссман 1990: 78).

Мать вступает в противоборство со Смертью, которая отняла у неё сына, она пытается оживить своего Толю не только в своем сознании, не только через ее глубоко эмоциональный разговор с умершим сыном, но и через своеобразные физические поступки. Найдя на кладбище могилу своего сына, мать

«опустилась на колени, легонько, чтобы не причинить сыну беспокойства, поправила дощечку с его именем, он всегда сердился, когда она поправляла воротничок его куртки, [...]» (Гроссман 1990: 77).

Но «не воспоминания об ушедшем, а волнения действительной жизни охватили ее. [...] Вот Толя лежит в легонькой бязевой рубашке, босой, как же не дали одеяла, земля совершенно ледяная, и по ночам сильный мороз. Людмила прикрыла полый пальто Толины ноги, она сняла платок с головы и прикрыла им плечи сына» (Гроссман 1990: 77-78).

Мощь безумного отчаяния и страдания Людмилы Николаевны, проявленная в сценах на кладбище, превращается в символ божественной силы матери, становится легендой, в которой растворилась Смерть, мир ожил, образуя вечную земную жизнь для Толи. Стоя у могилы своего сына, она чувствует, что

«Живая вода хлынула поверх льда и вынесла из тьмы Толю, сбежала, исчезла, вновь отодвинулся тот мир, который на миг, сбив оковы, сам хотел стать действительностью, мир, созданный отчаянием матери. Ее отчаяние, подобно Богу, подняло лейтенанта из могилы, заполнило пустоту новыми звездами. В эти прошедшие минуты он один жил на свете, и благодаря ему было все остальное. Но могучая сила матери не удержала огромные людские толпы, моря, дороги, землю, города в подчинении перед мертвым Толей» (Гроссман 1990: 78).

В «Отныне и вовек» роль матери, скорбящей по погибшему воину, выполняет мужественная Лорен, любовь которой к Пруиту была выше, чем роман женщины с мужчиной. Только родная мать может вспоминать о гибели своего сына таким возвышенным тоном, как это сделала символическая мама Пруита, Лорен, способствуя этим рождению, быть может, одной из американских легенд, затмивших на время суровую и жестокую правду об армейской службе и испытаниях войны. В этой легенде, сочиненной Лорен, «настоящей [...] женщиной» (Джонс 1987: 827), Пруит именуется потомком аристократического рода, внуком генерала. Как утверждает Лорен, Пруит был не пехотинцем, а пилотом бомбардировщика, убитым во время обстрела японцами аэродрома в Хикеме. Он посмертно награжден «Серебряной звездой» (на самом деле Пруит был застрелен во время преследования).

В. Гроссман и Дж. Джонс – крупные мастера по изображению женской любви, она показана авторами во всей широте и необъятности, многосторонности и многофункциональности, ее значение в жизни человека обосновано практическим опытом жизни и мудрыми теориями самих авторов романов. В произведениях В. Гроссмана и Дж. Джонса женщины терпят, любят, прощают, жалеют, уничтожают, разрушают и созидают своей любовью – счастливой или обманутой, пылкой и потаенной, они становятся матерями не только своих детей, но и всего человечества, сочувствуют не только своим сыновьям, мужьям, отцам, а также врагам, причинившим боль, страдания и потери. Однако сегодня все чаще и чаще нежность и любовь, которая назначена для соединения людей, начинает их разъединять, а деятельная роль женщины, способной очищать нравы от грязи и зла, полностью теряется. Грубость, проявленная в разных условиях и формах по отношению к женщине, неминуема и в XXI веке. Созвучность случившегося с Ревеккой Бухман и Карен Хомс состоит именно в напоминании авторами романов о забытой, созидательной, вдохновляющей роли женщины, утерянной в этом жестоком и сложном мире, как и истинных ценностей представительниц слабого пола и смысла их божественного назначения. В. Гроссман и Дж. Джонс своими романами только хотели еще раз подтвердить читателю, что все самое святое и дорогое, что есть на земле, связано с женщиной.

IRODALOM

- Аннинский Л. (1988). Мирозданье В. Гроссмана. – /Дружба Народов. /10. стр. 253–263.
- Бочаров А. (1989). Время собирать камни. «Малая проза» Василия Гроссмана. – /Вопросы литературы. /7. стр 3–86.
- Гроссман В. (1990). /Жизнь и судьба./ Таллин, Издательство «Ээсти раамат».
- Гроссман В. (1955). /Сикстинская мадонна./
In: <http://lib.ru/PROZA/GROSSMAN/grossman19.txt>
- Губер Ф. (1990). Память и письма. – /Даугава. /11. стр. 96–118.
- Джонс Дж. (1986). /Отныне и вовек./ Москва, Издательство «Радуга».
- Маркиш Ш. (2004). Эротизм в русско-еврейской литературе. – /Иерусалимский журнал. /, 18. In: www.antho.net/jr/18.2004/24.php.
- Оскоцкий В. (1991). /«Жизнь и судьба» Василия Гроссмана. С разных точек зрения./ Москва, Издательство «Советский писатель».
- Lamont R. (1985). Vassili Grossman's Zhizn' i sud'ba: The "Life and Fate" of the first Soviet dissident novel. – /World Literature Today. / v. 59. № 1, pg. 46–48.